

Риски и возможности социально-цифровой среды в контексте образования: философско-социологическое исследование

А. А. Краузе¹, А. В. Шишигин²

¹кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Россия, г. Пермь. E-mail: krauze@pspu.ru

²кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет.

Россия, г. Пермь. E-mail: shish02@yandex.ru

Аннотация. Данная статья носит характер междисциплинарного исследования. В ней рассматривается феномен цифровизации с точки зрения философского и социологического подходов в контексте сложившихся условий в современном российском обществе. Авторы выделяют основные аспекты, раскрывающие природу и специфику «цифровой среды» в сфере образования, характеризуют цифровую среду как институт и рассматривают как предмет социальной практики. В исследовании с точки зрения философско-социологического анализа раскрываются субъектные трансформации и динамика ценностных ориентаций личности в условиях развития цифрового и сетевого общества. Дается анализ современного дискурса образования в контексте включенности субъектов образовательного процесса в цифровые реалии. Свои выводы авторы подкрепляют данными социологического опроса учителей, проведенного в крупных городах семи регионов РФ для определения интериоризации цифрового дискурса субъектами системы современного образования. Основываясь на результатах исследования, авторы приходят к выводу, что педагогическое сообщество взвешенно и объективно оценивает риски и возможности цифровизации современного общества, видит необходимость стратегического, методического и ценностного обоснования ее осуществления.

Ключевые слова: цифровая среда, цифровизация, информационно-коммуникативное пространство, традиция, субъект, образование, дискурсное сознание, практическое сознание.

Введение. Виртуализация и цифровизация бытия, фрагментация современного мира, кризис идентичности, размывание традиций и ценностей социума позволяют говорить о сложности, многомерности и динамичности этих важнейших феноменов современности.

В настоящее время проблемы цифровизации социума оказываются в центре внимания ученых, представляющих самые разные академические дисциплины: от экономики и юриспруденции до педагогики и политологии.

Применительно к производственно-экономической сфере цифровизация рассматривается с позиции деятельности, показателем которой является широкое внедрение цифровых технологий в производство и различные сферы жизни [19]. В гуманитарном аспекте цифровизация связана со сферами науки и образования. Для науки в цифровизации важны новые технологии, направленные на ускорение расчетов и вычислений, что дает возможность «в кратчайшие сроки обмениваться данными ученым, находящимся в разных уголках мира, в автоматическом режиме. Любые открытия будут делаться и проверяться быстрее» [19]. В образовании цифровизация означает «переход на электронную систему обучения» [18]. Однако среди исследователей нет единства в трактовке понимания структуры и прикладного значения цифровизации. Недостаточно пока разработаны и изучены закономерности и подходы к изучению внутрисистемных и межсистемных общественных отношений, опосредованных цифровизацией. Исследование данных процессов привело бы к осознанию того, что цифровизация должна включать антропологический уровень осмысления, снимающий узкий подход к цифровизации как к цифровой технологии и позволяющий рассматривать ее в контексте субъекта социального действия и степени ее влияния на развитие человеческой сущности.

Философско-социологический подход к исследованию цифровой среды позволяет дополнить и расширить ее характеристику антропологическим аспектом, определить границы человеческой природы [17; 20], характер вовлеченности индивида в систему коммуникативных связей [5; 12; 14], составить представление о новых формах коммуникаций и их влиянии

на будущее человечества [11; 15; 16]. С практической точки зрения философско-социологический анализ позволяет на предельно общем уровне сфокусировать внимание на аспектах субъектных изменений и динамике ценностных ориентаций личности в условиях развития цифрового и сетевого общества.

В антропологическом контексте цифровую среду и информационные технологии можно рассматривать как важный институт современности, на основе которого грядут глубокие субъектные трансформации. Однако цифровая среда и применение информационных технологий все чаще рассматриваются как предмет социальной практики. Социальная практика является воспроизводимой в определенное время и точке пространства частью социальной системы, которая обусловлена действиями людей [8, с. 82]. В результате возрастания роли цифровизации в повседневной практике людей происходит дистанцирование от традиций и общепринятых правил, символов, социальных ориентиров и идеалов. Более того, есть основания полагать, что современное общество и формируемая им цифровая система перешли на уровень взаимоотношения, когда оказываются причиной и следствием друг для друга. Общим является и содержание, связанное с субъектной составляющей, проясняющее модель рационализации и действий субъектов.

Методы. В процессе работы применялось сочетание общенаучных и социологических методов, что выступает основой системного подхода к исследованию социально-цифровой среды.

Результаты и обсуждение. При очевидных позитивных технологических возможностях развития общества в направлении цифровизации следует отметить тревожные тенденции социально-личностного характера. С одной стороны, цифровизация усиливает материально-технический потенциал развития человеческой индивидуальности, осуществления перехода от универсального к уникальному; с другой стороны, в практической жизни мы сталкиваемся с проблемами стереотипного и массового сознания, отсутствия культуры критического мышления, большего интереса к тому, что говорится, а не делается, ориентации на «дискурсивное сознание» [8, с. 45]. В результате дискурсивное сознание берет верх над практическим. Виртуализация общества ведет к замещению реальных вещей и социальных явлений на симуляции: «При этом происходит замещение реального исполнения социальных ролей симуляцией, создается образ реальных атрибутов институциональности» [10, с. 15]. Цифровую реальность можно сравнить с крупным торговым центром, где происходит сублимация реальности в образы, которые маскируют отсутствие подлинной реальности [6].

Претерпевает трансформацию и концепция индивидуальности. По замечанию З. Баумана, «индивидуализация» заключается «в преобразении человеческой идентичности из “данности” в “задачу” и в наделении действующих лиц ответственностью как за решение данной задачи, так и за последствия исполнения ими их ролей» [2, с. 181]. Ориентация на собственную индивидуальность, обусловленная поиском сходства и различия с миром, все же не исключает причастности к общечеловеческому началу, исходя из того, что собственное «я» «без «другого» невозможно. Взаимосвязь индивидуального и социального здесь ориентирована на воспроизводство общественной системы и осознается индивидом как значимая цель. Однако в цифровых реалиях социализация и идентификационные процессы порождаются практикой дискурсивного сознания и абстрактными структурами, где индивид ориентирован на утилитарные ценности и удовлетворение собственных потребностей, без учета общественного запроса. Для цифровой субъектности подходит характеристика, данная Л. Дюмоном: «Он покидает социальный мир и его обязательства... Этот отказник самодостаточен, он озабочен только самим собой» [9, с. 35]. Процесс идентификации переносится в коммуникативно-виртуализированное пространство, где привычные механизмы зачастую спутываются и симулируются, воображение и иллюзия захватывают сознание субъекта. Имитировать соответствие видимой реальности помогают технологии, воссоздающие на компьютерном экране трехмерные изображения [1, с. 24–57]. Утилитаризация и цифровизация современного социального дискурса ведет к расширению возможностей индивида на структурирование социальной реальности без соотнесения с устоявшимися и общепринятыми правилами, ценностями и смыслами, отражая интерес к возможности быть творцом, а не к тому, каковы будут причинно-следственные результаты. Происходит выведение субъекта не только из противопоставления объекту, но и из противопоставления субъекту. Деконструкция субъекта ведет к потере идентичности, а структурирование новых ценностей без обращения к фундаменту общечеловеческой этики и морали формирует повседневность бытия.

Особой сферой общества, где подобные процессы цифровизации приобретают динамический и процессуальный характер, является система образования. Так как знание становится важнейшим ресурсом производства, сфера образования становится основным источником воспроизводства общественных отношений [4]. Именно в ней очевидны антропологические аспекты проблемы цифровизации современного общества. Прежде всего, это касается вопроса мобильности учителя и переопределения функций между учителем и учеником в рамках новой цифровой коммуникации: наблюдается процесс высвобождения от ограничений и статусного положения. Цифровое общество расширяет возможность индивида стать экспертом [3] за границами своей узкопрофессиональной деятельности, способствует тому, что индивид более самостоятелен в освоении технологий [3]. В системе образования эта цифровая реальность затрагивает прежде всего проблему методики обучения, где учитель из транслятора знаний переходит в осуществление функции куратора, модератора, тьютора по освоению знаний учащимся. Теряется стационарность и завершенность процесса обучения, формируется новый тип коммуникации учитель – ученик: с одной стороны, упрощающий и делающий доступным коммуникацию субъектов образовательного процесса, с другой – повышающий требования к их самостоятельности, ответственности, включенности и заинтересованности. В системе общего образования все отчетливее на первый план выходит запрос на доступность, упрощенность, эффективность, «упакованность» учебных программ в яркие функциональные упаковки, облегчающие потребление знаний и умений и извлечение из них коммерческой выгоды.

Однако справедливо и то, что пока цифровой курс образования существует на уровне объяснения словами. В плане «практического сознания» он еще не устоялся и только находит свое применение. Для определения динамики проникновения цифрового дискурса в систему современного образования нами был проведен социологический опрос учителей из разных городов и регионов РФ. Опрос проводился с 29.01 по 9.03 2021 г. через онлайн-форум Microsoft Forms (сервис создания онлайн-опросников). Выборка целевая (учителя), доступная (опрошены те, кто сам изъявил желание ответить на вопросы). Всего ответил на вопросы анкеты 1621 педагог. В дальнейшем, в целях сравнительного анализа ситуации в региональных центрах, из общего массива данных были отобраны ответы респондентов семи региональных столиц. В результате отбора в данные, подлежащие статистической обработке, были включены ответы респондентов из Перми (N = 221), Екатеринбурга (N = 487), Ижевска (N = 212), Челябинска (N = 340), Тюмени (N = 149), Ярославля (N = 122) и Иваново (N = 45). Таким образом, объем выборки составил 1576 человек. При вероятности (P) равной 0,95 величина допустимой ошибки (m) составляет 2,5 %. Доля учителей-мужчин (120 человек) составила 7,5 %. Почти половину респондентов составили педагоги со стажем более 20 лет (779 человек). Молодых педагогов со стажем менее 5 лет в выборке 264 человека. Педагогов со стажем от 5 до 10 лет – 222 человека, а со стажем от 10 до 20 лет – 311 человек. В ответах на большинство вопросов педагогов-мужчин и педагогов-женщин статистический анализ значимых различий не выявил.

Несмотря на то что исследование носило прикладной характер и было направлено на определение степени вовлеченности субъектов образовательного процесса в практику применения цифровых технологий в проектно-исследовательской деятельности, в анкету были включены и некоторые вопросы более широкого плана, позволяющие судить об отношении учителей к цифровизации в целом. В частности, респондентам предлагалось определить свое отношение к высказываниям, характеризующим возможное влияние цифровой среды на современную молодежь. Ответы на данные вопросы позволяют судить об ожиданиях педагогов на фоне продвигающейся цифровизации социума, позволяют оценить тот эмоциональный настрой, с которым встречаются и будут встречаться неизбежные перемены.

Респондентам предлагалось высказать суждение в отношении того, что под влиянием цифровой среды у нового поколения молодежи снимаются коммуникативные барьеры. Понятно, что в действительности проблемы коммуникации имеют сложную социально-психологическую и технологическую природу, а цифровая среда, действительно прекрасно решающая технологическую составляющую проблем коммуникации, не способна решить социально-психологические проблемы общения. Признавая, что и в случае с социально-психологическими проблемами цифровая среда в ряде случаев может способствовать их решению, следует признать и то, что сама эта среда способна порождать новые проблемы – например, если речь идет о травле в социальных сетях, исключении из сообщества и т. д. Особенно тяжело это может переживаться подростками с их ограниченным социальным опытом, большей зависимостью от одобрения со стороны сверстников и другими особенностями, имеющими

преимущественно характер возрастных. Принимая во внимание всю сложность и неоднозначность влияния цифровой среды на коммуникацию, подчеркнем, что ответ на данный вопрос позволяет судить о соотношении «оптимистов» и «пессимистов» среди учителей. Под «оптимистами» в данном случае можно понимать тех, кто в цифровой среде склонен видеть плюсы и новые возможности.

Результаты показывают (рис. 1), что в целом по выборке «оптимистов» больше, чем «пессимистов», – почти 60 % учителей «полностью согласны» и «скорее согласны, чем не согласны» с данным утверждением.



Рис. 1

Более неожиданным и более интересным оказался факт отсутствия статистически значимых различий при ответе на этот вопрос у учителей с разным педагогическим стажем. Среди педагогов, чей стаж превышает 20 лет, «полностью согласных» и «скорее согласных, чем не согласных» 59,5 %, а среди учителей со стажем менее 5 лет таковых 62,5 %. Меньше всего (54,7 %) «оптимистов» среди учителей со стажем от 10 до 20 лет. Проверка с помощью критерия χ^2 Пирсона позволяет принять нулевую гипотезу, т. е. позволяет говорить об отсутствии статистической взаимосвязи между ответами на этот вопрос и педагогическим стажем учителей. Отсутствует статистическая взаимосвязь между ответом на этот вопрос и профилем преподаваемых дисциплин. Например, «оптимистов» среди учителей-гуманитариев (преподавателей истории, литературы, русского и иностранного языка) 59,7 %, а среди преподавателей естественно-научных дисциплин таковых 62,4 %.

Не выявлено статистической взаимосвязи между ответами на этот вопрос и городом, в котором проживают и работают респонденты (см. табл. 1). На первый взгляд может показаться, что тех, кто выбрал вариант ответа «полностью согласен», в Иваново (26,7 %) гораздо больше, чем таковых в Ижевске (14,2 %), но, принимая во внимание малое число респондентов из Иваново (45 человек), говорить о значимости этих различий не представляется возможным. Вместе с тем проверка значимости различий процентов [формулы расчета по: 13, с. 191–195] показала, что учителей полностью согласных с данным утверждением в Ижевске действительно меньше, чем в Перми и Тюмени.

Далее респондентам предлагалось высказать свое отношение к утверждению, что «под влиянием цифровой среды у нового поколения молодежи возрастает стремление получать как можно больше положительных эмоций». В том, что под влиянием цифровой среды происходит определенная трансформация общения, сомневаться не приходится. Широкое распространение в социальных сетях разного рода смайликов и эмодзи можно рассматривать как ответную реакцию на вытеснение живого общения общением дистанционным, попытками компенсировать выпадающую эмоциональную составляющую непосредственного межличностного контакта. О том, как к нему относятся, как его воспринимают и оценивают пользо-

ватели социальных сетей (и интернет-пространства в целом), судят по лайкам/дизлайкам, смайликам и эмодзи. Естественно, что в силу возрастных особенностей молодежь и особенно подростки оказываются в большей зависимости от этих внешних символов выражения одобрения, принятия и поддержки. Следует учесть, что в цифровом пространстве эмоциональному оцениванию может подлежать все что угодно: от новой прически до предметов потребления и стиля жизни. В некоторых случаях зависимость от внешнего одобрения посредством поставленных лайков может подталкивать подростков к девиантному, а порой и делинквентному поведению. В свою очередь, большое количество дизлайков может способствовать развитию депрессии, снижению самооценки и т. п. Все это заставляет отказаться от упрощенного взгляда на распространенные в интернете символические системы выражения эмоций как на суррогат эмоций реальных, поскольку смайлики и лайки/дизлайки вполне по-настоящему могут радовать людей или, наоборот, вызывать гнев и слезы. Необходимо учитывать и технические возможности, позволяющие быстро переключаться на «позитив», игнорируя или удаляя все неприятное, возможность самому формировать более или менее комфортную среду общения (например, через возможность отключать комментарии или делать сообщения доступными для просмотра только избранным в своем блоге). Но действительно ли современная цифровая среда подталкивает подростков к получению как можно большего числа положительных эмоций? О том, как выглядит ответ на этот вопрос с точки зрения учителей, можно судить по круговой диаграмме (рис. 2).

Таблица 1

Отношение учителей семи крупных городов РФ к утверждению о том, что под воздействием цифровой среды у нового поколения молодежи снимаются коммуникативные барьеры (100 % по столбцу)

Точка зрения	Екатеринбург	Иваново	Ижевск	Пермь	Тюмень	Челябинск	Ярославль
Полностью согласен	19,3	26,7	14,2	22,2	22,1	17,4	22,1
Скорее согласен, чем не согласен	39	35,6	38,7	39,4	37,6	39,7	44,3
Скорее не согласен, чем согласен	24,2	24,4	25,0	21,3	24,2	19,4	21,3
Абсолютно не согласен	8,6	6,7	12,3	11,8	7,4	14,1	8,2
Затрудняюсь ответить	8,8	6,7	9,9	5,4	8,7	9,4	4,1

Отношение респондентов к высказыванию, что под влиянием цифровой среды у нового поколения молодежи возрастает стремление получать как можно больше положительных эмоций

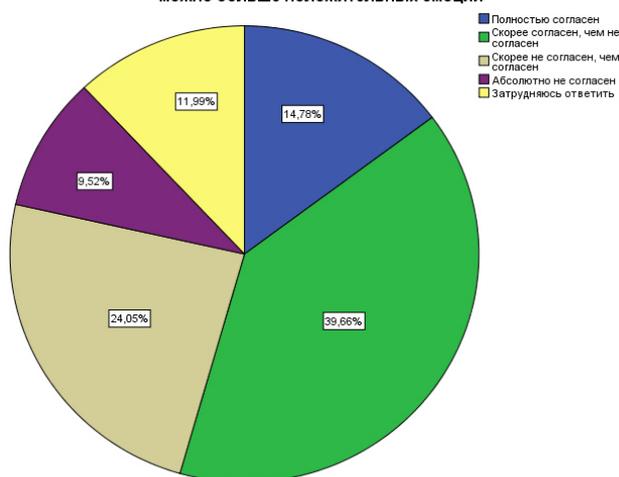


Рис. 2

Как видим, 55 % педагогов в той или иной степени («полностью согласен» и «скорее согласен, чем не согласен») разделяют данную точку зрения. Некоторая разница в ответах учителей-мужчин и учителей-женщин заключается лишь в том, что мужчины были более категоричны

в согласии с данным утверждением (чаще выбирали подсказку «полностью согласен»), а женщины были более осторожны (чаще выбирали подсказку «скорее согласен, чем не согласен»). Педагогический стаж также не оказывает влияния на мнение учителей по данному вопросу.

Фактором, влияющим на мнение учителей по данному вопросу, оказывается профиль преподаваемых дисциплин. Если среди учителей-математиков и преподавателей гуманитарных дисциплин 56 и 57 % в той или иной степени согласились с данным утверждением («полностью согласен» и скорее согласен, чем не согласен»), то среди преподавателей физкультуры и труда таковых оказалось лишь 42 %. Проверка значимости процентных различий подтверждает ($P = 0,95$; $m = 5 \%$), что согласных в той или иной степени с данным утверждением среди учителей математики и преподавателей гуманитарных дисциплин действительно больше, чем среди учителей физкультуры и труда. Среди преподавателей естественно-научных дисциплин в той или иной степени согласных с данным утверждением оказалось 48,5 %. Проверка значимости процентных различий ($P = 0,99$; $m = 5 \%$) позволяет говорить, что преподаватели естественно-научных дисциплин действительно в меньшей степени согласны с данным утверждением по сравнению с преподавателями гуманитарного профиля.

Имеется взаимосвязь между ответами на данный вопрос и местом проживания респондентов. Проверка с помощью критерия χ^2 Пирсона ($\chi^2 = 50,703$, $p = 0,001$) позволяет отвергнуть нулевую гипотезу, т. е. позволяет говорить о наличии статистической взаимосвязи между ответами на этот вопрос и местом проживания респондентов. И, хотя коэффициент сопряженности ($C = 0,177$) говорит о слабой связи, различия в ответах на данный вопрос учителей, проживающих в разных региональных центрах, представляются весьма интересными (табл. 2).

Таблица 2

Отношение учителей семи крупных городов РФ к утверждению о том, что под влиянием цифровой среды у нового поколения молодежи возрастает стремление получать как можно больше положительных эмоций (100 % по столбцу)

Точка зрения	Екатеринбург	Иваново	Ижевск	Пермь	Тюмень	Челябинск	Ярославль
Полностью согласен	11,1	6,7	10,4	21,3	21,5	15,9	17,2
Скорее согласен, чем не согласен	40,0	51,1	39,2	41,6	35,6	38,5	39,3
Скорее не согласен, чем согласен	26,7	13,3	27,4	20,8	26,8	20,3	24,6
Абсолютно не согласен	8,6	15,6	11,3	7,2	8,7	9,4	13,1
Затрудняюсь ответить	13,6	13,3	11,8	9,0	7,4	15,9	5,7

Проверка значимости различий процентов показала, что в Перми количество учителей в той или иной степени согласных с данным утверждением («полностью согласен» и «скорее согласен, чем не согласен») действительно больше, чем в Екатеринбурге, Ижевске ($P = 0,99$; $m = 5 \%$), и больше, чем в Челябинске ($P = 0,95$; $m = 5 \%$). Разница в ответах учителей в парах «Пермь – Тюмень», «Пермь – Ярославль» и «Пермь – Иваново» в той или иной степени согласных с данным утверждением не является статистически значимой.

В третьем высказывании утверждалось, что под влиянием цифровой среды новое поколение молодежи перестает заниматься долгосрочным планированием своей жизни. Отказ от долгосрочного планирования как одна из характеристик современного общества был тонко подмечен Зигмунтом Бауманом. «Возникает ощущение, – пишет Бауман, – “разъединенности времени”, идущего от неожиданного эпизода к непредвиденному и угрожающему способности человека составить из отдельных фрагментов целостное повествование. Представители старшего поколения помнят, что в годы их юности люди строили жизненные планы с расчетом на длительную перспективу, долгосрочными были и их обязательства, и отношения с окружающими; сегодня, однако, даже они задумываются о том, осталось ли какое-то реальное содержание в идее долгосрочности. Они не могут доходчиво объяснить ее значение молодежи, которая не вникает в их воспоминания, а черпает свои знания о мире из того, что видит вокруг» [2]. Отказ от долгосрочного планирования собственного жизненного пути характеризуется Бауманом как культурный тренд новой эпохи. Естественно, что цифровая среда, порождающая новые виды деятельности и одновременно «убивающая» старые специальности,

является тем местом, где данный тренд прослеживается наиболее отчетливо. Распределение ответов на этот вопрос по выборке в целом представлено на круговой диаграмме (рис. 3).

Отношение респондентов к точке зрения, согласно которой под влиянием цифровой среды новое поколение молодежи перестает осуществлять долгосрочное планирование собственной жизни

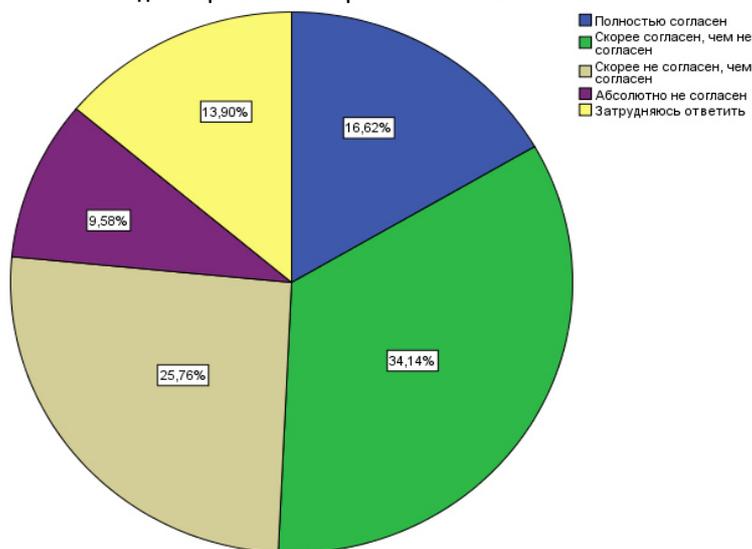


Рис. 3

Хотя проверка с помощью критерия χ^2 Пирсона ($\chi^2 = 9,09$, $p = 0,694$) и не позволяет говорить о существовании статистической взаимосвязи между ответами на этот вопрос и педагогическим стажем учителей, есть один момент, на который следует обратить внимание. Речь идет о том, что среди молодых педагогов со стажем менее 5 лет полностью согласился с данным утверждением почти каждый пятый (21,6 %), тогда как в группе педагогов со стажем более 20 лет таковых оказалось 14,9 %. Проверка показала, что различия с высокой степенью вероятности являются статистически значимыми ($P = 0,99$; $m = 5$ %).

Учителя, преподающие математические дисциплины, и преподаватели гуманитарных дисциплин гораздо чаще, по сравнению с преподавателями естественно-научных дисциплин и дисциплин, связанных с искусством, выражали полное согласие с данным утверждением. 20,8 % учителей математики и 17,5 % преподавателей-гуманитариев полностью согласны с данным утверждением. В то же время среди преподавателей естественно-научных дисциплин полностью согласны с данным утверждением только 10 %, а среди учителей музыки и рисования – 13,8 %. Проверка показала, что процентные различия между учителями математики и преподавателями естественно-научных дисциплин с высокой степенью вероятности являются статистически значимыми ($P = 0,99$; $m = 5$ %). Точно такая же высокая вероятность значимости процентных различий фиксируется между «физиками» и «лириками». По доле учителей в той или иной степени согласных с данным утверждением («полностью согласен» и «скорее согласен, чем не согласен») Пермь опережает все остальные города.

Таблица 3

Отношение педагогов семи крупных городов РФ к утверждению о том, что под влиянием цифровой среды новое поколение молодежи перестает осуществлять долгосрочное планирование собственной жизни (100 % по столбцу)

Точка зрения	Екатеринбург	Иваново	Ижевск	Пермь	Тюмень	Челябинск	Ярославль
Полностью согласен	17,2	11,1	17,0	17,2	19,5	13,2	20,5
Скорее согласен, чем не согласен	31,8	37,8	35,4	39,8	30,2	35,6	30,3
Скорее не согласен, чем согласен	25,3	26,7	26,4	25,3	26,8	25,6	26,2
Абсолютно не согласен	11,3	8,9	9,4	5,4	10,7	8,8	11,5
Затрудняюсь ответить	14,4	15,6	11,8	12,2	12,8	16,8	11,5

Последний вопрос в данном блоке представлял собой утверждение, согласно которому под влиянием цифровой среды у нового поколения молодежи наблюдается несформированность моральных ценностей. Вопрос о влиянии цифровой среды на морально-нравственное состояние молодежи довольно сложный. Главными угрозами нормальному морально-нравственному развитию молодежи со стороны цифровой среды являются иллюзия анонимности, провоцирующая во многих случаях вседозволенность, дистанцированность, порождающая уверенность в том, что за свои слова и поступки не придется отвечать, погоня за лайками и выставление напоказ личной жизни как формы проявления тщеславия и т. п. Но не преувеличенны ли эти опасности? Как показывает наше исследование, более половины педагогов в той или иной степени согласны с данным утверждением (рис. 4).

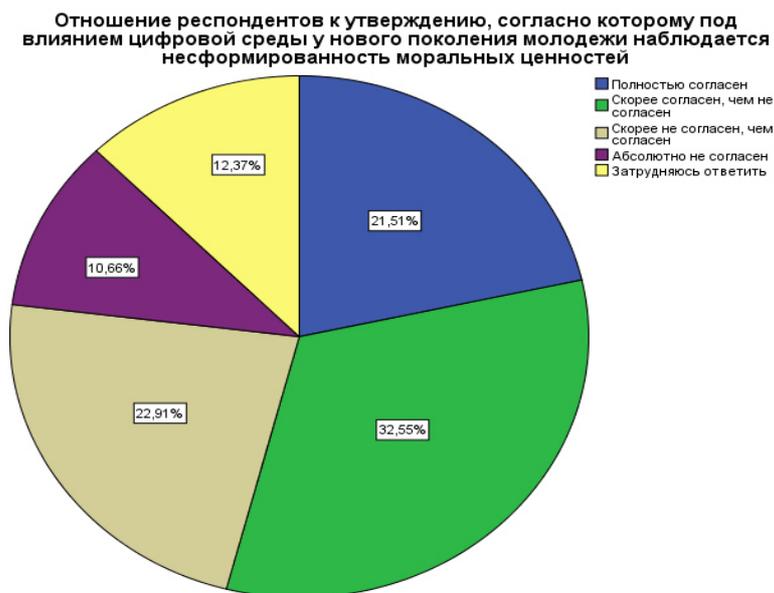


Рис. 4

Ответы на этот вопрос не показали зависимости ни от педагогического стажа (следовательно, и от возраста респондентов), ни от пола, ни от профиля преподаваемых дисциплин. Можно отметить только, что преподаватели естественно-научных дисциплин продемонстрировали большую осторожность, в результате чего в этой группе заметно меньше тех, кто выбрал вариант «полностью согласен», и заметно больше тех, кто выбрал вариант «скорее согласен, чем не согласен».

Проверка с помощью критерия χ^2 Пирсона ($\chi^2 = 37,403$, $p = 0,040$) позволяет говорить о существовании статистической взаимосвязи между ответами на этот вопрос и местом проживания респондентов. Наибольший процент тех, кто в той или иной степени согласен с данным утверждением, среди пермских учителей (табл. 4). Проверка значимости процентных различий показала, что доля тех, кто в той или иной степени согласен с данным высказыванием, в Перми больше, чем в Екатеринбурге, Ижевске, Челябинске ($P = 0,99$; $m = 5$ %).

Таблица 4

Отношение педагогов семи крупных городов РФ к утверждению о том, что под влиянием цифровой среды у нового поколения молодежи наблюдается несформированность моральных ценностей (100 % по столбцу)

Точка зрения	Екатеринбург	Иваново	Ижевск	Пермь	Тюмень	Челябинск	Ярославль
Полностью согласен	21,4	20,0	22,6	24,9	24,2	17,1	23,8
Скорее согласен, чем не согласен	31,0	44,4	28,8	38,0	29,5	33,5	32,0
Скорее не согласен, чем согласен	21,6	17,8	24,5	22,2	29,5	23,8	18,0
Абсолютно не согласен	11,7	15,6	9,9	6,8	8,1	10,9	15,6
Затрудняюсь ответить	14,4	2,2	14,2	8,1	8,7	14,7	10,7

Заключение. Анализ приведенного исследования показывает, что субъекты образовательного пространства со стороны педагогического сообщества взвешенно и объективно оценивают процессы цифровизации современного общества, его риски и возможности. Они принимают взаимопроникновение глобального, связанного с цифровыми технологиями, и частного, касающегося деятельности конкретного индивида либо образовательного учреждения, и выражают заинтересованность в этом процессе. Характер их ответов свидетельствует о том, что процессы цифровизации требуют определения четкой государственной стратегии, которые стали бы ориентиром для педагогического сообщества. Прежде всего, это определение того, чем обусловлена цифровизация в образовании – является она целью или средством. Если цифровизацию рассматривать как средство, то она является технологическим ресурсом, дополняющим методические инструменты в обучении, соответственно, не имеющим глобальных социальных трансформаций прежде всего в самом образовании. Это всего лишь новая технология, инновация, повышающая эффективность процесса. В данном аспекте требуется «рефлексивное переосмысление равновесия между издержками новых технологий и их преимуществами с целью создания адекватных этому равновесию этических, правовых и политических концепций для регулирования сферы публичных коммуникаций» [7, с. 80]. Если же цифровизация выступает как цель, то это затрагивает глубокую трансформацию всей парадигмы образования и общества. Она предполагает изменения бытийности, объединяет процессы не только в образовании, но и в культуре, экономике, политике, социальной сфере, а также затрагивает сущностные основания субъектов современного общества. Можно предположить, что на какой-то период социальная реальность может выйти из-под контроля.

Следует также отметить, «новая эра подвижной реальности» [2, с. 180] все же не исключает того, что индивид, как и прежде, телесен, социален и реальная общественная практика по-прежнему имеет для него большое значение. Обращает на себя внимание и тот факт, что, несмотря на интегрирующие и упрощающие возможности цифрового пространства, социальные и технологические различия между субъектами растут в арифметической прогрессии. Вследствие этого технологическая, гуманитарная и нравственная разобщенность современных субъектов расширяется и становится барьером на пути построения гармонизации социального взаимодействия.

Список литературы

1. Алексеева И. Ю. Интернет и проблема субъекта. Влияние Интернета на сознание и структуру сознания // Влияние Интернета на сознание и структуру знания : сб. ст. / Ин-т философии Рос. акад. наук ; отв. ред. В. М. Розин. М., 2004. С. 24–56.
2. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2005. 390 с.
3. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М. : Асадемия, 2004. 944 с.
5. Бергер П. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс, 2004. С. 8–27.
6. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1995. 212 с.
7. Винник Д. В. Социальная феноменология цифровой эпохи: риторика ненависти, анонимусы, копирайт и полицейский надзор // Философия образования. 2014. № 4 (55). С. 79–88.
8. Гиденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М. : Академ. Проект, 2003. 528 с.
9. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме. Дубна : Феникс, 1997. 301 с.
10. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб. : Петербург. Востоковедение, 2002. 96 с.
11. Кастельс М. Информационная эпоха : экономика, общество, культура. – М. : Высш. шк., 2000. 608 с.
12. Лысак И. В. Проблема сохранения культурной идентичности в условиях глобализации // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. № 4. С. 91–94.
13. Паниотто В. И., Максименко В. С. Количественные методы в социологических исследованиях. Киев : Наукова думка, 1982. 272 с.
14. Смол Г., Ворган Г. Мозг онлайн. Человек в эпоху интернета. М. : Колибри, 2011. 352 с.
15. Тоффлер Э. Шок будущего. М. : АСТ 2001. 560 с.
16. Тоффлер Э. Революционное богатство. М. : АСТ, 2008. 569 с.
17. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствие биотехнологической революции. М. : АСТ, 2004. 349 с.
18. Цифровизация и ее место в современном мире // Генеральный Директор : персон. журнал руководителя. URL: <https://www.gd.ru/articles/10334-tsifrovizatsiya> (дата обращения: 18.01.2021).
19. Что такое цифровизация и какие сферы жизни она заденет // Центр 2М. URL: <https://center2m.ru/digitalization-technologies> (дата обращения: 12.01.2021).
20. Юдин Б. Г. Человек: выход за пределы. М. : Прогресс-Традиция, 2018. 472 с.

Risks and opportunities of the socio-digital environment in the context of education: philosophical and sociological research

A. A. Krause¹, A. V. Shishigin²

¹PhD in Philosophical Sciences, associate professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University. Russia, Perm. E-mail: krauze@pspu.ru

²PhD in Sociological Sciences, associate professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University. Russia, Perm. E-mail: shish02@yandex.ru

Abstract. This article is in the nature of an interdisciplinary study. It examines the phenomenon of digitalization from the point of view of philosophical and sociological approaches in the context of the prevailing conditions in modern Russian society. The authors identify the main aspects that reveal the nature and specifics of the "digital environment" in the field of education, characterize the digital environment as an institution and consider it as a subject of social practice. In the study, from the point of view of philosophical and sociological analysis, the subjective transformations and dynamics of value orientations of the individual in the conditions of development of digital and networked society are revealed. The analysis of the modern discourse of education in the context of the inclusion of the subjects of the educational process in digital realities is given. The authors support their conclusions with the data of a sociological survey of teachers conducted in large cities of seven regions of the Russian Federation to determine the internalization of digital discourse by the subjects of the modern education system. Based on the results of the study, the authors conclude that the pedagogical community carefully and objectively assesses the risks and opportunities of digitalization of modern society, sees the need for strategic, methodological and value justification of its implementation.

Keywords: digital environment, digitalization, information and communication space, tradition, subject, education, discourse consciousness, practical consciousness.

References

1. Alekseeva I. Yu. *Internet i problema sub'ekta. Vliyaniye Interneta na soznanie i strukturu soznaniya* [Internet and the problem of the subject. The influence of the Internet on consciousness and the structure of consciousness] // *Vliyaniye Interneta na soznanie i strukturu znaniya : sb. st. – The influence of the Internet on consciousness and the structure of knowledge : collection of articles / Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences; resp. ed. V. M. Rozin. M. 2004. Pp. 24–56.*
2. Bauman Z. *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. M. Logos. 2005. 390 p.
3. Beck U. *Obshchestvo riska: na puti k drugomu modernu* [Risk Society: on the way to another modern]. M. Progress-Traditsiya. 2000. 384 p.
4. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt social'nogo prognozirovaniya* [The coming post-industrial society. The experience of social forecasting]. M. Academia. 2004. 944 p.
5. Berger P. *Kul'turnaya dinamika globalizatsii* [Cultural dynamics of globalization] // *Mnogolikaya globalizatsiya. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire – Multifaceted globalization. Cultural diversity in the modern world / ed. by P. Berger, S. Huntington. M. Aspect Press. 2004. Pp. 8–27.*
6. Baudrillard J. *Sistema veshchey* [The system of things]. M. Rudomino. 1995. 212 p.
7. Vinnik D. V. *Social'naya fenomenologiya cifrovoy epohi: ritorika nenavisti, anonimusy, kopirajt i policejskiy nadzor* [Social phenomenology of the digital age: hate rhetoric, anonymuses, copyright and police surveillance] // *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education. 2014. No. 4 (55). Pp. 79–88.*
8. Gidens E. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [Organization of society: An essay on the theory of structuration]. M. Akadem. Project. 2003. 528 p.
9. Dumont L. *Esse ob individualizme* [An essay on individualism]. Dubna. Phenix. 1997. 301 p.
10. Ivanov D. V. *Virtualizatsiya obshchestva* [Virtualization of society]. SPb. Petersburg. Oriental Studies. 2002. 96 p.
11. Castels M. *Informacionnaya epoha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura* [The information age: economy, society, culture]. M. Vysshaya Shkola. 2000. 608 p.
12. Lysak I. V. *Problema sohraneniya kul'turnoy identichnosti v usloviyakh globalizatsii* [The problem of preserving cultural identity in the context of globalization] // *Gumanitarnye i social'no-ekonomicheskie nauki – Humanities and socio-economic sciences. 2010. No. 4. Pp. 91–94.*
13. Paniotto V. I., Maksimenko V. S. *Kolichestvennye metody v sociologicheskikh issledovaniyakh* [Quantitative methods in sociological research]. Kiev Naukova dumka. 1982. 272 p.
14. Smol G., Vorgan G. *Mozg onlajn. Chelovek v epohu interneta* [Brain online. Man in the Internet age]. M. Kolibri. 2011. 352 p.
15. Toffler E. *Shok budushchego* [Shock of the future]. M. AST 2001. 560 p.
16. Toffler E. *Revolucionnoe bogatstvo* [Revolutionary wealth]. M. AST. 2008. 569 p.
17. Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee. Posledstvie biotekhnologicheskoy revolyucii* [Our posthuman future. The consequence of the biotechnological revolution]. M. AST. 2004. 349 p.

18. *Cifrovizaciya i ee mesto v sovremennom mire* – Digitalization and its place in the modern world // *General'nyj Direktor : person. zhurnal rukovoditelya* – CEO : person. supervisor's journal. Available at: <https://www.gd.ru/articles/10334-tsifrovizatsiya> (date accessed: 18.01.2021).

19. *Chto takoe cifrovizaciya i kakie sfery zhizni ona zadenet* – What is digitalization and what areas of life it will affect // *Centr 2M* – Center 2M. Available at: <https://center2m.ru/digitalization-technologies> (date accessed: 12.01.2021).

20. *Yudin B. G. Chelovek: vyhod za predely* [Man: going beyond]. M. Progress-Tradition. 2018. 472 p.